

МАКСИМ СУХАНОВ:

Культура. — 2003. — 18-24 сент. — с. 12

Хочется, чтобы зрители испытывали странные, незнакомые эмоции

В театральной среде этот мягкий, интеллигентный и открытый человек всегда был маргиналом, пребывая на обочине официальной магистральной линии. Стремление существовать в искусстве именно так у Максима особенно обострилось после встречи с не менее «странным» театральным человеком — режиссером Владимиром Мирзоевым, которого актер считает «виновником» всех своих побед. Недавно они опять потрясли театральную Москву «Королем Лиром» в Театре им. Евг. Вахтангова. Но поводом для этой беседы стал прежде всего фильм «Театральный роман», в котором Максим СУХАНОВ сыграл роли Бомбардова и Ивана Васильевича.

— Максим, удается ли вам без особых усилий делать много дел: и в театре играть, и в кино сниматься, и бизнесом заниматься, и продюсировать кино? Ведь служение муз, как известно...

— Вы так много всего перечислили... Кажется, что все дни, и выходные в том числе, расписаны по минутам. На самом деле все не так ужасно. Ты все равно не делаешь два дела сразу. Одно заканчивается, начинаешь заниматься другим. Это не есть суета.

— То есть вы умеете распределять?

— Иначе, я думаю, многое бы не получалось.

— Долгое время вы, по-моему, не могли найти себе достойную роль в кино. Взять хотя бы киллера из фильма «24 часа»...

— В той роли меня привлекло прежде всего не то, что герой мой — киллер, что он ходит и убивает, и его никто не может найти. Мне понравилось, что человек, живущий один, попадающий в тюрьму, набирается смелости, бежит из тюрьмы и старается удрать от всего, что у него было раньше. Он едет к своей любимой, которая ждет его где-то. Я не воспринимаю историю как очень уж реальную. Еще и потому был придуман парик немножко из другого века, тем самым эта история, как мне кажется, поднимается над реальностью, документальностью, удаляется в какие-то романтические времена. Поступки, которые совершает герой, наверное, достойны осуждения, но, на мой взгляд, если в самой истории есть неординарность, то почему бы эту историю не рассказать? После того фильма я долго не снимался: то, что предлагалось, мне не нравилось.

— Ну и, слава Богу, дождался лугавского «Театрального романа». Согласились сразу?

— Поначалу режиссер Юрий Голыш предложил мне сыграть роль Бомбардова, рассказал все о будущем фильме, вплоть до «картинки» и слава исполнителей. Мне понравился его прежний фильм, снятый с

Олегом Бабицким, — «Дама в очках и с ружьем в автомобиле» по роману Жапризо. А через некоторое время они в два часа ночи приехали ко мне и предложили сыграть еще и Ивана Васильевича. Мне это предложение сразу понравилось концептуально. Работа во всех отношениях доставляла большое удовольствие. На меня, наверное, повлияли и те юношеские ощущения, которые остались после чтения «Мастера и Маргариты» и других произведений Булгакова...

— После фильма я подумал: Максиму не предлагают сыграть Воланда, а он все равно сыграл, пусть даже ассоциативно. Особенно в том страшном гриме...

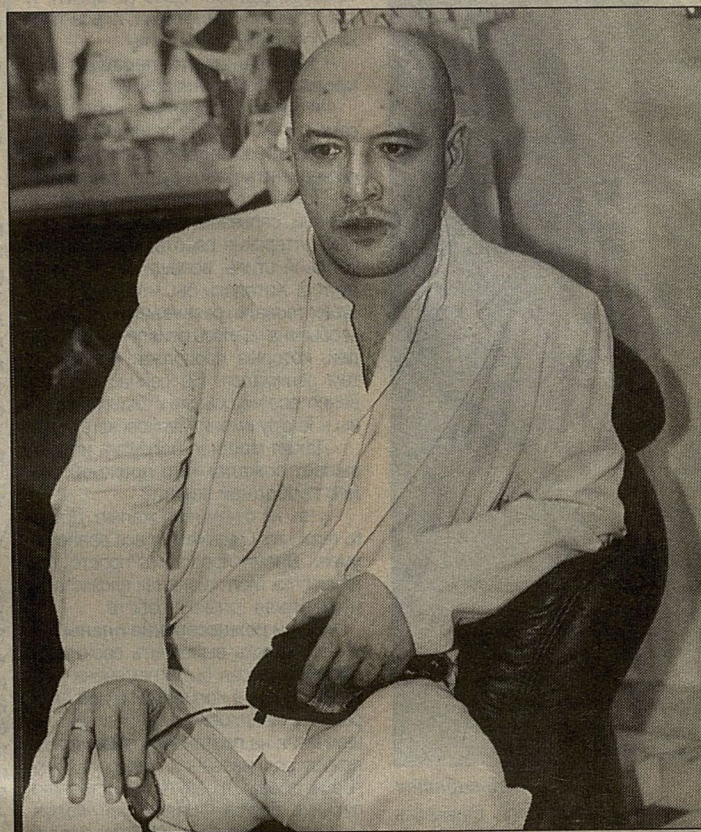
— Впрямую я, конечно, об этом не думал. Но мистические превращения Бомбардова напоминали отчасти и о Воланде, и о всех других персонажах Булгакова. Спасибо Пете Горшенину, который очень долго делал этот грим.

— Вы впоследствии не сравнивали фильм с романом?

— Нет, никогда! Все-таки это отдельное произведение. Это — сочинение на тему. Все гениальные произведения, которые написаны на бумаге, представляют собой особенную ценность, я думаю, что их нельзя сравнивать с другими искусствами. Удовольствие от прочтения книги и просмотра фильма очень разное.

— У Булгакова образ Ивана Васильевича, сиречь Константина Сергеевича, выписан несколько шаржированно, прямолинейно и даже, уж простите, злобно. У вас же получился глубокий и добрый человек, а самое главное — очень театральный. Мне даже показалось, что он играет с окружающими людьми в какую-то свою театральную игру.

— Это только подтверждает то, о чем я только что говорил. Потому что все персонажи, которых выписал Булгаков, для него имели свое, исключительно личное значение. Он их выписывал и сочинял, опираясь на свои муки. Когда начинаешь фантазировать, играть роль, то ты не можешь опираться на его жизнь. Опираешься только на свою.

М. Суханов

— Вы любите яркие внешние перевоплощения в театре и в кино? Это доставляет удовольствие?

— Да, доставляет. Но, когда ты работаешь в связке с режиссером, то в первую очередь хочется доставлять удовольствие режиссеру. Если это ему нужно, то, конечно же, сразу хочется такого рода перевоплощений. А бывает, что это совершенно не нужно делать. Тогда ты уже подключаешься к другой стороне режиссерских фантазий, начинаешь существовать как-то по-другому.

— Приходилось ли вам слышать мнение, что «Театральный роман» — фильм не для широкой публики, а для «глубоко театральных» людей, понимающих эту кухню, знающих закулисную жизнь?

— Я такого не слышал и не думаю, что он для узкой, театральной, аудитории. Да и роман не прожил бы такую долгую жизнь и не был бы так интересен на протяжении стольких лет, если бы рассказывал исключительно о том, что происходит в театре. Нет, среда, которая берется в произведении, гораздо более широкая, это очевидно.

— После фильма я беседовал с

одним из провинциальных актеров, приехавших на фестиваль «Постефремовское пространство». Он, говоря о «Театральном романе», назвал вас не просто актером, а «явлением». Многие ли значат такие отзывы для вас?

— Конечно, очень приятно, когда все это так воспринимается... Мне самому очень хочется, чтобы люди получали удовольствие от того, что я делаю. По-другому у меня не получается. Хотелось бы, чтобы люди испытывали странные, незнакомые эмоции. Такие слова — это большая награда.

— Теперь о театре. Вы всегда говорили, что всем тем, что делаете сейчас, обязаны Владимиру Мирзоеву. В вашем тандеме до сих пор полная гармония? Неужели вы всегда покорны своему режиссеру и у вас не бывает сопротивления?

— У меня давно не было никаких сопротивлений в работе с ним. Мне всегда интересно и творчески комфортно с этим режиссером. Я всегда поражаюсь его фантазии и беспреступно иду за ним. С другими режиссерами я иногда испытывал... даже не сопротивление, а скорее, ситуацию, ког-

да люди вдруг начинают говорить на одну тему, но совершенно на разных языках. И мы не понимаем, что хочет сказать один и что хочет доказать другой. Когда оба человека входят в раж скандала, они уже не слышат, что говорят. С Мирзоевым у меня ни разу не было такого.

— Мирзоев и вы — люди, мыслящие нестандартно. Не чувствуете ли вы себя инородным телом в контексте нынешнего времени?

— Большинству людей в любой стране (особенно большой) всегда свойственна стандартность мышления. Как только появляется нестандартность мышления и она (либо волевым усилием, либо волею судьбы) поддержана обществом, то в такие времена страна делает прыжки в своем развитии, причем в любой области. Она начинает развиваться не шажочками, а семимильными шагами. Стремиться к тому, чтобы нестандартно мыслить, наверное, можно. Другое дело, удобно ли это, правильно ли это для всех, кто старается жить.

— Вы как-то говорили, что в своих ролях всегда пытались учесть восприятие рок-музыки, а в свое время даже руководили рок-ансамблем?

— Ну это громко сказано. Была рок-группа. Нам всем хотелось играть. Занимались в основном западной музыкой, советскую музыку мы не слушали. Нам она очень не нравилась. Английские тексты мы не понимали, но нам нравилось произношение. Мы поигрывали.

— Вы хотели быть певцом?

— Пожалуй. Но интересовался я очень многим. Мне нравится, например, лечить людей и животных. Нравится определять, чем они болеют, то есть диагностировать. Может быть, не всегда правильно. Чутье у меня есть. Наверное, я мог бы лечить... Люблю, например, смешивать разные травы. Наверное, мог бы стать певцом или поющим врачом. Музыкой нужно заниматься в том же объеме, в каком ты занимаешься театром. А может быть, и больше. У меня сейчас такой возможности нет. Может быть, я и написал что-то приятное слуху, но я все же дилетант.

— Я недавно вновь посмотрел вашего Сирано, и он показался мне удивительно свежим. Как вы сами считаете, значительно ли изменились со времени премьеры и спектакль, и ваш герой? Можете ли вы регулировать этот процесс, или он уже от вас не зависит?

— Было бы смело говорить, что я могу это регулировать. Скорее всего, нет. Ведь спектакль — это сложный

организм. Не знаю, как дело обстоит с моноспектаклями, я их никогда не играл. Наверное, там другая схема. Но у многонаселенных спектаклей своя жизнь. От всех, кто там играет, зависит продолжительность этой жизни. Плюс те задачи, которые выполняет этот спектакль тогда, когда он был выпущен. Если они продолжают быть актуальными по истечении какого-то времени, то он будет жить. Если то, что там было придумано, уже устаревает и всем тем, кто там играет, это кажется старым, никому не нужным, надоевшим, тогда спектакль умирает. В общем, это всегда происходит достаточно органично. Если чей-то волевой рукой спектакль просто не снимается. Но я такого не помню.

— У вас не было подобного в жизни ни разу?

— Ну, может быть, один раз было, когда мы играли, на мой взгляд, очень хороший спектакль «Государь ты наш, батюшка», поставленный Петром Фоменко. На него зритель не то чтобы перестал ходить, но процент заполняемости зала уменьшился наполовину. Я не берусь анализировать почему. Его закрыли... Такая у него оказалась странная короткая жизнь. Хотя нам изнутри казалось, что должно быть наоборот.

— Вы сказали, что не играете моноспектакли. Сразу возникает вопрос: почему?

— Ну просто таких предложений не было, а я все-таки люблю получать предложения и их рассматривать.

— А может быть, Владимиру Мирзоеву между делом подсказать...

— Владимир Владимирович знает сам, что ему нужно делать. Я с самого начала понял, что ему уж точно ничего подсказывать не надо. Он в этом смысле делает правильно и талантливо рассуждает, какой спектакль нужен и театру, и актерам. Ну скажу я ему, и он будет на эту тему думать: почему я это предложил? А вполне возможно, что это сейчас абсолютно несвоевременно...

— Как вы думаете, есть вероятность, что когда-нибудь вокруг Мирзоева соберется команда единомышленников, хотя бы приблизительно равных вам по пониманию этого человека?

— Ну по теории вероятности все возможно. Тем более сейчас Володя стал художественным руководителем Театра Станиславского, и возможностей набрать талантливых людей и единомышленников, которые будут понимать его, стало больше. Если у него получится сделать так, как ему хочется, он будет дальше продолжать работу в этом театре. Если не полу-

чится, то, наверное, он будет пробовать что-то еще. Он — человек, не останавливающийся и не расстраивающийся из-за того, что может перестать быть главным режиссером театра. Его это никак не обидит и тем более не ущемит его таланта.

— Его выбор актера на роль Лира удивил публику. А вас?

— Я тоже был приятно удивлен этим предложением.

— Вы говорили, что каждая новая ваша роль — это продолжение жизни прежних персонажей. Лир не исключение?

— Конечно! Сейчас обозначить какие-то «ниточки» мне сложно, но, думаю, что он, несомненно, — продолжение всех тех персонажей, которые были сыграны раньше. Но продолжение не только во времени, но и вглубь, и в стороны. Словом, дальнейшее прорастание в себя самого.

— Вы обычно познаете своего персонажа интуитивно?

— Многое, конечно, приходит на уровне интуиции. Поначалу я стремился абстрагироваться от прежних работ и на первых репетициях представлял собой такую чуть-чуть парализованную «оболочку». Для меня в этом случае легче будет найти новые точки соприкосновения и с образом, и с жанром, который предлагает режиссер. Я себя не ощущаю никак и никем в тот момент, когда начинаю репетировать.

— А об аппарате, актерских приспособлениях вы не думаете совершенно? Они приходят сами по себе?

— Мы сейчас так говорим, как будто я один участвую в рождении роли. Ведь режиссер направляет меня и участвует в этих «родах» вместе со мной. Меня иногда спрашивают: а вот это вы сами придумали? Или это Мирзоев придумал? Скажу честно: бывает обманчивое и смешное ощущение после премьеры, что все вроде бы придумал ты. Но на самом деле это совсем не так.

— Если не секрет, как приняли спектакль в театре?

— Не секрет: приняли настороженно. Михаил Александрович Ульянов нас поздравил, сказав, что это большая, нужная и глубокая работа. Обвинять художественного руководителя в лукавстве у меня нет оснований. Мнения остальных я не берусь комментировать. Восторгов от своих коллег я не слышал. Но так ведь было всегда, такая уж наша судьба. Например, когда мы выпускали «Амфитрион», худсовет хотел его закрыть. Теперь он идет с аншлагами, люди подходят и говорят: да, дескать, мы сначала не понимали.

— А бывает ли, что, снявшись в фильме, вы мучаетесь, что не можете что-то изменить, переснять?

— Конечно, ты думаешь иногда, что сейчас я бы сделал что-то по-другому. Но в основном, коли ты идешь на съемки фильма, в тебе уже заложено то, что он потом будет отсмотрен и смонтирован режиссером за столом. Создание фильма — его интимное дело. Если ты думаешь иначе, тогда надо самому работать, как Чарли Чаплин: и играть, и снимать.

— Мы органично перешли к продюсерству, которым вы недавно занялись. Зачем вам это надо было?

— Мне предложил эту затею мой друг — очень хороший и известный актер, талантливый человек Александр Самойленко. Мы дружим уже 21 год, и всегда, если что-то затеваем, то занимаемся этим вместе. У нас сначала была идея спродюсировать театральную работу. Но там что-то не сложилось. А потом он встретился с режиссером Игорем Апасаном. У того был сценарий Алексея Тимма. Саше он понравился, и он предложил попробовать совместно спродюсировать мини-сериал. Нам идея понравилась, и мы довольно быстро начали работать. Пригласили актеров, которых неметили сразу. Кастинга у нас не было. Мы видели актеров на все роли, и слава Богу, что они согласились. Это — Валентин Гафт, Ольга Остроумова, Нина Русланова, Юлия Рутберг, Марианна Вертинская...

— ...Максим Суханов?

— Нет, сам я не играю. Саша сыграет там роль, не буду говорить, какую. Получился 4-серийный фильм. Называется «Дни ангела».

— Продюсерство для вас — это творчество или бизнес? Или «два в одном»?

— Мы не стали бы этим заниматься, если бы речь шла только о деньгах. Это неинтересно. Хочется участвовать и в выборе сценария, режиссера, актеров, драматургии, которая нам интересна и будет интересна зрителю. В сериалах ведь драматургия все-таки специфическая. Интересно участвовать в творческом процессе на площадке. Потому что ты отвечаешь за конечный продукт. Я уж не знаю, как это будет развиваться, получится ли у нас дальше, но желание такое есть.

— Продюсер Максим Суханов не мешает актеру Максиму Суханову?

— Пока не мешает.

Беседу вел
Павел ПОДКЛАДОВ
Фото Михаила ГУТЕРМАНА